

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

II, 2

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

Состояние работ по изучению истории таджикской литературы

Таджикская литература, подобно многим восточным литературам и в противоположность большинству западноевропейских литератур, обладая весьма богатым и ярким феодальным периодом, имеет сравнительно небогатый новый период, исчисляемый всего лишь несколькими десятилетиями. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как оно создает для новой литературы очень большие затруднения по преодолению старых традиций и позволяет буржуазным националистам и прочим врагам социалистического строительства, прикрываясь маской изучения старой литературы, стараться о сохранении за ней господствующей позиции и тем самым укреплять враждебную социалистическому строительству идеологию. Отсюда можно было бы сделать тот вывод, что в таком случае литературу эту лучше всего было бы предать забвению и дать ей бесследно исчезнуть. Но такой вывод был бы совершенно неправильным, так как многое в этой литературе является весьма ценным и вполне может быть использовано и в нашу эпоху. Однако, такое использование возможно лишь при том условии, если надлежащим образом будет поставлено изучение этой литературы, т. е. если мы будем изучать эту литературу как литературу классовую, выражающую различные этапы классовой борьбы в Средней Азии. Если классовый смысл всех памятников старой таджикской литературы будет вскрыт, если будет показано, кому она служила, чьи интересы защищала, то тем самым отпадет и всякая возможность использования ее классовым врагом в наши дни, отпадет возможность демонстрирования ее как выражения «общечеловеческих чувств, стоящих выше классовой борьбы». Следовательно, для Таджикистана, являющегося одним из отсталых участков нашего культурного фронта, изучение его литературы тем самым становится

крайне важной и неотложной задачей, требующей для успешного разрешения ясной и точной постановки вопросов и не допускающей отговорок и умолчаний.

Поэтому, особенно печальным является тот факт, что донныне работ по истории таджикской литературы мы не имеем. Мне известны всего только две работы, а именно небольшая статья проф. А. А. Семенова¹ и объемистый сборник известного таджикского писателя С. Айни.²

Первая из них — краткий очерк (10 стр.), не могущий претендовать на какое бы то ни было научное значение. Основное задание его назвать несколько более крупных имен за последние 400 лет. Самый факт появления его в каталоге известного лейпцигского книгопродавца указывает на то, что издатель руководствовался при помещении его своего рода «рекламными» целями, ему нужно было привлечь внимание западноевропейского потребителя к мало известному участку и тем самым повысить спрос на имеющиеся на его складе среднеазиатские издания, которые при теперешнем кризисе в Европе особенно ходким товаром, вероятно, не являются. В обиходе советского читателя для этой статьи место едва ли найдется (за исключением разве кое-каких содержащихся в ней фактических данных).

Вторая работа, напротив, представляет собой труд большой важности, но вместе с тем обладает и некоторыми опасными свойствами. Дело в том, что это не история литературы, а только обильное собрание ценнейших материалов по истории литературы, построенное по знакомому всем историкам персидской или турецкой литератур типа «тезкир». То есть, составитель такого сборника дает только ряд образчиков различных авторов, расположенных в хронологическом или каком-либо ином порядке, и от себя добавляет только сжатые биографические данные, не анализируя и не оценивая самих произведений. Отношение составителя к материалу выражается таким образом почти исключительно в подборе материала, преобладании того или иного автора и т. д. Но как бы мы ни подбирали старую таджикскую литературу, все-таки превратить придворную феодальную литературу в литературу нам не враждебную едва ли может удасться. Отсутствие каких-либо замечаний со стороны составителя может вызвать у мало подготовленного читателя представление, что эта литература рекомендуется

¹ А. А. Semenov. Kurzer Abriss der neueren mittelasiatisch-persischen (tadschikischen) Literatur (1500—1900). Litterae orientales, Heft 46. Lpz., 1931.

² Namunaji adabijjoti toçik. M., 1926.

ему как образец для нашей эпохи, что, конечно, совершенно недопустимо, или может заставить подумать, что составитель сочувствует выражаемой этой литературой идеологии, чего, как мы знаем, на деле вовсе нет. Таким образом, если такого рода сборник для историка литературы весьма ценен и удобен, то, как массовое издание, он может вызвать в неподготовленной среде совершенно нежелательные последствия.

Такое положение вещей заставляет нас выдвинуть вопрос о создании марксистской истории таджикской литературы в первую очередь. Однако, создание такой истории — дело весьма не легкое, которое едва ли может быть осуществлено с наскоку, в краткий срок. Первым и главным затруднением здесь является отсутствие марксистской истории Средней Азии, которая могла бы лечь в основу труда литературоведа. Экономика феодального периода, роль торгового капитала, роль кочевых племен — все это выяснено еще далеко недостаточно, и отсюда для литературоведа возникают большие затруднения. Далее, значительные трудности представляет также обилие материала, который к тому же для феодального периода в громадной своей массе не издан и имеется только в виде рукописей, разбросанных по разным книгохранилищам и зачастую дошедших до нас в весьма испорченном виде. Для литературы периода революции присоединяется еще одно затруднение — редкость тех периодических изданий, в которых большая часть литературы этого периода появлялась, и отсутствие в крупных книгохранилищах сколько-нибудь полных их коллекций. Здесь потребуется предварительно еще упорный труд по собиранию всего того, что можно будет найти.

Приведенные соображения вполне ясно показывают, что в этой небольшой статье я отнюдь не собираюсь дать полную историю таджикской литературы. Дать такого рода труд пока было бы для меня еще абсолютно невозможным. Задача моя иная — мне хотелось сообщить здесь результаты нескольких лет работы над таджикской литературой, наметить основные линии ее развития, как они мне представляются на основании исследованного мною материала. В качестве центрального момента здесь выдвигается вопрос о периодизации ее, которому я и уделяю наибольшее внимание. В связи с взятой мной установкой, останавливаться на деталях я, конечно, возможности не имею, и отсюда понятно, что в некоторых своих частях статья приобретает несколько схематичный характер. Считаю все же нужным предупредить, что создавать абстрактную голую схему я отнюдь не

стремился, ибо всякие попытки связать, например, определенную поэтическую форму с определенной эпохой и не показать ее в ее динамике будет чистейшим формализмом, от которого я стремлюсь уйти как можно дальше. Здесь я даю только как бы развернутый и мотивированный план большого труда, который еще должен быть написан. План этот поможет сгруппировать материал и выделить те эпохи, к разработке которых нам нужно приступить в первую очередь. Указывать здесь те рукописные материалы, на основании которых сложилась настоящая работа, едва ли нужно, ибо при значительном числе их список вышел бы весьма длинным и все равно не принес бы читателю никакой пользы.

I

Первый вопрос, встающий перед исследователем таджикской литературы, — это вопрос о том, с какого момента начинать эту литературу, т. е., другими словами, что разуметь под таджикской литературой, из какого признака исходить. Если мы будем понимать под таджикской литературой литературу на таджикском языке, то сейчас же встанет вопрос, что же мы разумеем под таджикским языком. Если под таджикским мы будем понимать язык, на котором говорит сейчас масса трудящихся Таджикистана, то, во-первых, процесс объединения его еще далеко не закончился и дробление на диалекты все еще существует, а затем, весьма понятно, что в феодальный период язык трудящихся не мог быть литературным языком. При такой постановке вопроса феодальный период для нас попросту отпадет. Но, вычеркивая феодальный период, мы тем самым вычеркиваем и борьбу среднеазиатской буржуазии с феодализмом, да кроме того и лишим себя возможности проследить сохраняющиеся в качестве контрабанды остатки феодального наследия в современной литературе. Таким образом, язык не может служить для нас исходным пунктом. Однако, если мы попытаемся за основу взять критерий национальный, перед нами встанет новое затруднение. Идея национальности в период феодальный играет роль только в исключительных случаях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вплоть до создания Таджикской ССР, т. е. до 1930 г., таджики отдельного государственного объединения не представляют и входят в состав различных политических образований, возникавших и исчезающих на населенной ими территории. Наконец, и самый термин «таджик» не всегда обозначал одно и то же понятие. Достаточно указать на то, что в XIII в. для монгольских завоевателей

Персии персидское население даже вплоть до самого юга Персии было «таджиками», причем термин «таджик» обозначал перса в противоположность монголу. Выход из этого затруднения, на мой взгляд, возможен только один — необходимо в определении круга таджикской литературы исходить из той географической территории, которая почти на всем известном нам отрывке истории была по преимуществу заселена таджиками. Тогда в историю таджикской литературы мы должны будем включить все произведения на таджикском или ином, близком к нему литературном языке, создававшиеся и распространявшиеся в долине Мианкаля и отчасти в Хорасане и северном Афганистане. При такой постановке вопроса историю таджикской литературы нам нужно было бы начинать с литературы согдийской, старейшей из всех литератур, возникших на этой территории. Методологически это было бы вполне правильно, но практически едва ли особенно целесообразно, так как дошедшие до нас обломки согдийской литературы крайне немногочисленны и почти не дают нам образцов художественной литературы, являясь частью литературой культовой (буддийские тексты и притом переводные), частью весьма ценной, но прямого отношения к литературе не имеющей деловой перепиской.

Все указанные соображения заставляют меня относить начало истории таджикской литературы к X в. н. э., т. е. к бухарскому периоду. Правда, этот период до сих пор всегда относился и относится литературоведами к истории персидской литературы, что в известной степени и правильно, так как язык этой литературы бесспорно может быть назван персидским. Следовательно, до XVI в. грань между персидской и таджикской литературой у нас будет чисто условная. Но это вполне естественно, так как для этого периода литературным языком среднеазиатского феодала был язык персидский, и ни в экономическом, ни в политическом отношении между среднеазиатским и персидским феодалом почти никаких отличий не было. Такое положение для литературоведа ничего необычайного собой не представляет, и наблюдается и в литературе ряда других народов. Достаточно указать хотя бы на русскую литературу, литературным языком которой в феодальный период был язык древне-болгарский.

Конечно, нельзя думать, что, начиная историю таджикской литературы с X века, мы полностью отразим ход ее развития. Дело в том, что для X в. мы располагаем рядом памятников, но все эти памятники без исключения относятся только к литературе правящего класса, т. е. феодальной аристо-

кратии. Но одновременно с этой литературой существовала безусловно и другая литература, выражавшая интересы широких масс, которая, однако, по понятным причинам не смогла быть зафиксирована письменностью, осталась устной и, таким образом, до нас не дошла. Составить себе представление об этой, устной, или, как ее называла старая наука, «народной» словесности можно только искусственно, реконструируя ее на основании существующего и поныне устного творчества. Среди циркулирующих и сейчас устных произведений есть немало обломков старого, конечно сильно видоизмененных, покрытых рядом напластований, но, несмотря на все это, все же известное, хотя бы приблизительное представление об этой исчезнувшей литературе на основании этих обломков составить можно. Для этого требуется прежде всего тщательнейшее собирание всего, что еще сохраняется в устном виде в глухих углах страны, — сказок, песен, загадок и т. п. Работа эта уже начата и успешно ведется Таджикским научно-исследовательским институтом. Собран уже довольно большой материал. Теперь на очереди разработка этого материала в литературном отношении. Только тогда, когда разработка эта будет доведена до известной полноты, можно будет приступить к первой главе истории таджикской литературы, пока же без привлечения этого материала эта глава неизбежно будет однобокой, отражая только продукцию правящего класса.

2

При построении периодизации истории таджикской литературы я исхожу из положения классов, участвовавших в создании этой литературы, и провожу деление на периоды там, где в положении этих классов происходили те или иные изменения. При этом приходится иметь дело в основном с двумя линиями — линия литературы феодальной аристократии и линия литературы буржуазной (торговой и мелкой буржуазии). Линии эти по существу все время переплетаются, то скрепляясь, то расходясь, в зависимости от различных фаз классової борьбы, которую они выражают. Для более легкой обозримости схемы периодизацию приходится производить по каждой из этих линий отдельно, потому что в противном случае картина получилась бы крайне сбивчивая и путаная. При этом я прошу, однако, иметь в виду, что разделение это мною проводится только в схеме, в окончательном построении разрывать эти две линии, ведущие между собой неуклонную борьбу на всем протяжении истории, я, конечно, не намерен.

Для феодальной таджикской литературы можно было бы наметить следующие этапы.

а) Этап расцвета феодализма с центром в Бухаре, X в. (в прежних моих работах называвшийся мною «саманидским» периодом). Основная черта этого периода — чрезвычайно выпуклое развертывание основных элементов феодального стиля. Центром всей литературной продукции служит особа феодала-аристократа, раздуваемая в хвалебных одах (касыдах) до сверхчеловеческой величины. Природа служит только фоном для показа этой гигантской фигуры. Эпос (характерный образец, знаменитое Шах-наме Дакики — Фирдоуси) служит политическим целям феодалов, с необычайной резкостью подчеркивая в качестве основной идеи (особенно у Дакики) — идею верности вассала сеньору, рыцарской чести, доблести.¹ Так как феодализм в этот период еще жизнеспособен, находится, так сказать, в полном расцвете своих жизненных сил, то результатом этого является высокая художественность литературы этого периода, яркость образов, сравнительная простота языка и т. д. Язык в основном от языка Персии не отличается.

б) Вторым периодом можно считать переход центра из Бухары в Афганистан (Газну), а затем Персию, осуществившийся в конце X, начале XI в. Поражение среднеазиатских феодалов влечет за собой ослабление литературной деятельности при среднеазиатских дворах. Вполне понятно, что поэты феодального периода были заинтересованы в том, чтобы иметь возможно более щедрого и могущественного покровителя. В результате центр всегда притягивает к себе наиболее выдающиеся литературные силы, и в моменты образования таких центров провинциальная литература оскудевает и количественно и качественно. Этим объясняется то обстоятельство, что наибольшую активность персидская придворная литература развивает в момент наибольшей раздробленности Персии и сопредельных стран и ослабевает в моменты максимальной централизации страны. Для таджикской феодальной литературы этого периода, который можно датировать с XI по XIII в., характерной чертой является подчеркнутая политическая роль ее, поэзия используется феодальной аристократией в целях создания сатир на своих противников (достаточно вспомнить поэтическую переписку между Рашид- и Ватватом и Анвари, отражающую борьбу сельджуков с хорезмшахами). В формальном отношении этот период характеризуется усилен-

¹ Характерная деталь у Дакики: эпитеты героев «благородный», «почтенный», «именитый» и т. д. — специальный упор на аристократическое происхождение.

ной разработкой внешней формальной стороны поэзии, влекущей за собой резкое увеличение количества поэтических фигур, введение в литературу схоластической науки и выработку целого ряда трафаретных штампов, в результате чего поэзия утрачивает непосредственность и приобретает все более и более искусственный характер.

в) Началом третьего периода таджикской литературы можно было бы считать образование нового среднеазиатского центра в Самарканде. В этом периоде господствующая роль переходит к чагатайской феодальной аристократии, в результате чего развивается борьба между чагатайской и таджикской феодальной литературой, не носящая, однако, особенно резкого характера. Период этот можно датировать XIV—XV вв. Типичным памятником его является такое произведение, как „Muhakamat ul-lughatain“ Невад, отчетливо намечающее формы борьбы двух языков между собой. Техническая сторона поэзии на этом этапе развивается еще больше и достигает своей кульминационной точки. Однако, экономический подъем феодальной аристократии влечет за собой частичное преодоление схоластических тенденций предшествующего периода. Сохраняя свой преимущественно декоративный характер, литература, главным образом, поэзия, обогащается необычайно яркими красками и достигает крайней законченности. На этом этапе окончательно формируется газель, до того времени ясно сохранявшая черты своего происхождения (вступительная часть касыды) в некоторой незаконченности, «открытости», и становится законченной сжатой формой, позволяющей некоторое сближение между нею и западноевропейским сонетом.

г) Четвертый период — это период узбекского господства, начинающийся с XVI в. и тянущийся до конца XIX в. На этом этапе в литературе феодальной аристократии происходят весьма значительные изменения, обусловленные ослаблением связи с Персией и усилением экономических сношений с Индией и северными соседями. Если для всех предшествующих периодов литературным языком был язык персидский, ничем не отличавшийся от языка феодальной литературы в самой Персии, то сейчас начинает намечаться расхождение и в языковом отношении. Правда, язык в основном все же продолжает оставаться персидским, но уже не персидским языком Ирана, а персидским языком Индии. Нельзя не отметить, что при изучении персидского языка до сих пор на эту сторону обращали весьма мало внимания и склонны были рассматривать персидский

(точнее «новоперсидский») язык как единое целое на всем историческом и географическом его протяжении. На самом деле такого единства, конечно, нет и в феодальный период и по существу быть не могло. Разработка этого вопроса является настоятельно необходимой. Литературу этого периода можно считать типичной эпигонско-упадочной литературой. Правда, отдельные крупные имена можно указать и здесь, достаточно вспомнить таких мастеров, как Мушфики и некоторые другие; но все эти силы сконцентрированы, главным образом, в начале этого периода. В дальнейшем литература постепенно хиреет все более и более, начинает уделять главное внимание различного рода фокусам, вырождается в хронограммы, акростихи и пр. и в погоне за оригинальностью делается все более трудной и непонятной. Центр тяжести в этом периоде уже не в литературе феодальной аристократии, а в литературе буржуазии, к которой мы теперь и перейдем.

3

Нужно сказать, что вплоть до XIX в. литература таджикской буржуазии развита весьма слабо, причем по понятным причинам борьба ведется на всем этом протяжении в литературных формах, ничем не отличающихся от литературных форм господствующего класса. Только в конце XIX в. положение это резко изменяется. В литературе таджикской буржуазии могут быть намечены такие этапы.

а) Первые попытки мелкой городской буржуазии (главным образом цеховой) выступить с критикой устоев феодализма. Для этой цели буржуазия использует в качестве орудия суфийскую философию, до того служившую орудием борьбы феодалов, различных по национальности (антиарабские тенденции). Против официального ислама феодальной аристократии, где духовенство является частью двора повелителя, состоит у него на службе, широко пользуясь всеми благами жизни, выдвигается реформированный ислам, проникнутый идеями сурового аскетизма, презрения к мирскому богатству. Улему противопоставляется шейх, не зависящий от феодального повелителя, «свободный», выступающий в роли защитника ремесленника и мелкого торгаша. Особенно характерно для этого периода подчеркивание трудового момента: законное имущество должно быть заработано трудом, следовательно, вся феодальная аристократия и ее прислужники — военное сословие являются узурпаторами, захватчиками, так как их имущество добыто не трудом, а следовательно, правоверный мусульманин не должен при-

нимать от них ничего и всячески избегать общения с ними. Период этот тянется приблизительно с X до XIII в. Однако, по понятным причинам количество памятников, им оставленных, или, вернее, до нас дошедших, невелико. Идеологами и носителями этой литературы являются суфийские шейхи, произведения которых в правящих кругах, конечно, большого распространения иметь не могли. Среди мелкой буржуазии же они, вероятно, распространялись преимущественно устно и если записывались, то только случайно. Весьма типичными произведениями такого рода являются различные четверостишия, в роде четверостиший известного хорезмского шейха Наджмадина Кубра и его школы.¹ Литература эта пока изучена очень мало и изучение ее вызывает большие затруднения.

б) Образование самаркандского центра в XIV в. влечет за собой усиление крупной торговой буржуазии, в результате чего расслоение среди буржуазии намечается весьма резко, и литература буржуазии распадается на три отдельных ветви: 1. Литература крупной буржуазии, крайне мало отличающаяся от литературы феодальной аристократии и в суфийские тона окрашенная очень слабо. Характерной чертой этой литературы, наблюдаемой не только в Средней Азии, но и в самой Персии, является конкретизация образов, известный реализм в образах, в литературе аристократии совершенно отсутствующий. Общая тематика не меняется, эротическая газель господствует и здесь, но среди традиционных сравнений проскакивают сравнения, взятые не из схоластических наук, а из повседневных наблюдений за жизнью базара; большое место занимает тематика торговых сделок и т. п. 2. Из суфийской литературы выделяется ее «ортодоксальная» ветка, пытающаяся сгладить направленные против феодализма острия, обезвредить его критику и тем самым упрочить связь крупной буржуазии с феодалами и ослабить враждебные феодализму течения. На смену прежним шейхам-фанатикам и аскетам выдвигаются шейхи, благословляющие деятельность своего феодального покровителя и одновременно с этим уделяющие большое внимание «земным» делам и не брезгающие совершением торговых сделок в широком масштабе, вроде известного Ходжа Ахрара и др. 3. Третья ветка — это литература мелкой буржуазии, продолжающая прежние тра-

¹ Собираанием которых, в виду интереса, представляемого ими для истории борьбы среднеазиатской буржуазии против феодализма, я несколько лет тому назад занимался, но к разработке которых приступить не успел. См. мои статьи «Четверостишия шейха Наджмадина Кубра», стр. 36, ДАН-В, 1924; и «Четверостишия шейха Маджаддина Багдади», стр. 137, ДАН-В, 1926.

диции. В виду сопротивления, идущего из среды самих шейхов (наиболее крупных и влиятельных), эта литература крайне ослаблена и поэтому в дошедших до нас памятниках представлена очень скудно.

в) Распадение узбекских ханств наносит интересам крупной буржуазии резкий удар, в результате которого существовавшее в предшествующем периоде единение ее с феодальной аристократией с XVIII в. распадается и уступает место критическому отношению. На первых порах такие критические выступления были крайне трудны и опасны и требовали особой тактики. Здесь на помощь себе буржуазия привлекает произведения представителей индийской буржуазии, с которыми благодаря существовавшим экономическим связям она была хорошо знакома. Важнейшее значение в этом периоде приобретают произведения индийского (вернее индо-персидского) поэта Бидиля, имя которого продолжает сохранять свое обаяние для представителей среднеазиатской буржуазии и до наших дней. Это один из крайне интересных моментов в истории таджикской литературы и притом моментов, доньше почти не изученных. Произведения Бидиля полны самой ожесточенной критики феодализма и официального ислама, но критика эта замаскирована в них необычайно усложненным стилем, из-за которого чтение этих произведений представляет величайшие трудности. Бидилевский стиль победоносно распространяется по всей Средней Азии, причем из буржуазной литературы он просачивается и в литературу аристократии, усваивающую, конечно, не самую сущность, а лишь внешние его признаки. Вопросу о Бидиле и характере и причинах его влияния на среднеазиатские литературы должно быть уделено особое внимание и посвящены специальные исследования.

С середины XIX в. появляются отдельные фигуры (правда, очень немногочисленные), отбрасывающие «эзоповский» язык Бидиля и выступающие с открытой и резкой критикой феодализма. Здесь заслуживает особого внимания интереснейший и своеобразнейший выразитель чаяний мелкой буржуазии — поэт, романист и ученый Ахмад Каллэ, отец джадидов-революционеров. Об авторе этом европейские востоковеды до сих пор хранили почти полное молчание, несмотря на то, что творчество Ахмада Каллэ в истории таджикской литературы является моментом величайшего перелома. В настоящей краткой статье я, конечно, не могу пытаться дать хотя бы мало-мальски полную характеристику этого автора. Это будет сделано мною в подготовляемой мной специальной работе. Здесь же укажу только, что

А. Каллэ и тематически и формально порывает со многими из старых традиций, пытается реформировать литературный язык, идя по линии его упрощения, и создает новый для среднеазиатской литературы жанр типа авантюрной новеллы.

г) В качестве четвертого этапа литературы таджикской буржуазии можно было бы наметить литературу от проникновения русского капитала до Октябрьской революции, т. е. ту литературу, которая известна под названием литературы джадидской. В этом периоде ясно намечаются три различных течения, выражающие интересы трех слоев таджикской буржуазии.

1) Представители интересов крупной либеральной буржуазии, выступающие на борьбу с феодализмом, среди которых виднейшее место занимают известные всей Средней Азии Фитрат и Ходжа Бихбуди. Работы Фитрата «*Munozaga*» («Диспут») и в особенности «*Vajonoti sajjohi hindi*» («Сообщения индийского путешественника») составляют эпоху в истории таджикской литературы, решительно порывая со всеми старыми литературными традициями. Устами индийского путешественника, посетившего «центр правоверия» Бухару, Фитрат обличает феодальную Бухару и вскрывает все ее язвы. Безобразное состояние народного просвещения, ужасающее санитарное состояние, бесправие населения, взятки, поборы, беззастенчивый грабеж со стороны эмирских чиновников — все то, чем веками болела Средняя Азия и о чем никто не осмеливался говорить, все это показано здесь в ядовитой сатирической форме. Обличается и духовенство, но характерно то, что автор видит беду не в самом исламе, а только в носителях правоверия. Они опутали религию сетью простых формальностей, превратили ее в набор суеверий и приблизили к язычеству. Сама же религия не заслуживает, по мнению автора, порицаний и должна быть отстаиваема. Мы уже видели ранее, что крупная буржуазия на некоторых этапах смыкалась с феодальной аристократией. Так и здесь, буржуазия восстает против феодализма лишь постольку, поскольку он ее связывает, мешает ее росту. Эмира работы Фитрата не затрагивают, он — хороший человек, вся беда в том, что он окружен плохими советчиками, которых надо гнать. Эта же недоговоренность наблюдается и у другого автора этой группы, автора «*Tuhfaji ahli Vuxoho*» («Подарок жителям Бухары» Сироджуддина Бухари, известного под прозвищем «доктор Сабир»). В своей книге, описывая путешествие по Европе и посещение крупных центров, он набрасывает

программу целой «культурной революции», но... только для имущих, для крупной буржуазии. Описанию Европы противопоставлены картины средневековых устоев современного Афганистана и наброски из истории борьбы персидской буржуазии против монархии Каджаров.

2) Вторая группа — представители мелкой буржуазии, идущие в своих программах значительно далее крупной либеральной буржуазии. В этой группе мы находим целый ряд учеников Ахмада Каллэ, в том числе талантливейшего Шахина, своими сатирами на придворную поэзию решительно разбивающего старые литературные традиции. Тяжкий гнет бухарского самодура не позволил этому таланту развернуться во всю его ширь и обрек на раннюю гибель.

3) К третьей группе можно отнести буржуазию, работавшую на территории, захваченной русским капиталом. Эта группа, с одной стороны, могла действовать более решительно, так как непосредственно над ее головой не висела эмирская плеть и петля палача, с другой, ей были виднее опасности, которыми грозило расширение русского влияния, и потому у них значительно сильнее подчеркнут момент национализма. В этой группе обращает на себя внимание Сиддики, автор ряда фантастических поэм, в которых он выступает против феодализма и предвещает средне-азиатскому населению полное исчезновение с лица земли под давлением русских завоевателей. Впрочем, не нужно думать, что на захваченной территории авторы были значительно свободнее, чем в самой Бухаре. Царская цензура зорко следила за их деятельностью, и всякое произведение с националистическими тенденциями строжайше преследовала. Так «Муназарэ» Фитрата было признано крайне опасной книгой, и перевод его напечатан «секретно» только для правящих кругов.

Общим для всей этой группы является решительный отказ от средневекового литературного языка и стремление приблизиться к живому таджикскому языку. Если язык произведений Фитрата и не может быть назван вполне таджикским, то, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что он понятен всякому грамотному таджику.

д) Октябрьская революция ускорила распадение джадидского лагеря, на первых порах встретившего ее с величайшим восторгом. Первые газеты после революции были переполнены торжественными касыдами под громкими названиями «Революция», «Пламя Революции», «Зарево Революции» и т. д., в которых в старой средневековой форме, старым языком воспе-

влась революция так, как во время оно придворные поэты воспевали эмиров. Уже это расхождение формы и содержания крайне симптоматично и показывает всю цену этой «ультрареволюционной» поэзии. Крупная буржуазия полагала, что революция развяжет ей руки и позволит заняться эксплуатацией трудящихся за свой собственный страх и риск. Но очень скоро ей пришлось убедиться в том, что это не так, и начинается постепенный отход буржуазии от революции. Так осуществляется распадение буржуазии на группировки: 1) антисоветскую, начиная от махровейшей реакции, примкнувшей к царским генералам и пытавшейся задержать наступление революции Кокандскими автономиями и т. п., и кончая вредителями, ухитрившимися пролезть в ряды партии, занять крупные посты и оттуда вести свою разрушительную работу и 2) группу (выходцев из мелкой буржуазии), активно сотрудничающую с советской властью и давшую ряд ценнейших партийных работников (как тов. Файзулла Ходжаев и др.).

Изучение литературы этого периода особенно важно и ответственно, но и особенно трудно, так как большая часть литературы этого периода разбросана по разным газетам и журналам, представляющим иногда величайшую редкость и ни в одной библиотеке не сконцентрированным. Работе над этим периодом безусловно должно быть уделено особенно серьезное внимание.

е) Развертывание социалистического наступления, начиная с момента землеустройства, и в особенности коллективизация сельского хозяйства ведут за собой дальнейшее углубление распада джадидов и усиление маскировки джадидской литературы. Этот период дает довольно значительную литературную продукцию, большая часть которой сосредоточена на страницах журнала «Rohbari doniş». С первого взгляда почти вся эта литература представляется вполне «советской» и заслуживающей положительной оценки. Но тщательный анализ показывает иное. Правда, литература эта (напр., новеллы Азизи, Икромии и др.) рисует советскую Среднюю Азию и как будто ставит себе задачей содействие социалистическому строительству — однако, с чем же она борется? Почти все эти новеллы направлены против родительской власти над детьми (в вопросах брака), суеверий, азартных игр, разрушающих благосостояние таджикского крестьянина, приверженности к старым привычкам в быту и т. п. То есть, другими словами, против всего того, против чего боролся еще Фитрат задолго до революции,

когда эта борьба была во много раз труднее и опасней. Конечно, все это не вредит социалистическому строительству и не мешает ему, но оно свидетельствует о том, что буржуазия намерена идти по этому пути только до пределов, намеченных джадидской программой, не далее. Характерно, что многие из этих новелл написаны так, что даже трудно сказать, какую же Среднюю Азию мы перед собой имеем, наши ли это дни, или же действие происходит еще в царские времена. Только отдельные детали вроде «радио», «красной чайханы» и т. п. показывают, что автор, действительно, имеет в виду советскую Среднюю Азию, не старое время. Выделяются из этой группы произведения одного из старейших таджикских революционеров тов. Садрадина Айни, который особенно в своих больших романах «Одина» и «Дохунда» попытался дать большие полотна, изображающие ход революции в Средней Азии, противопоставляя наше время страшным черным дням эмирского гнета. Назвать тов. Айни пролетарским писателем едва ли можно, это самый левый из всех попутчиков, но уже настолько левый, что в особенности в своем последнем романе «Дохунда» он вплотную примыкает к пролетарской литературе. Говорить здесь подробно о его творчестве не место, оно заслуживает отдельного исследования, над которым я в настоящее время и работаю.

Как обстоит дело с созданием пролетарской таджикской литературы — вот последний вопрос, на котором нам еще следует задержаться. Сказать, что пролетарская таджикская литература уже существует, пока едва ли можно. Мы уже близки к ней, — как тов. Айни в известных частях своих романов, так и Лахути (самого последнего периода) все ближе и ближе подходят к ее созданию. Но все же указать хотя бы одно произведение, которое можно было бы целиком безоговорочно признать пролетарским, я пока затрудняюсь. Это и не удивительно, ибо положение Таджикистана в борьбе на культурном фронте особенно затруднительно. Эмирская власть оставила страну разоренной, опустошенной до последнего уголка, темной, неграмотной, не имеющей ни дорог, ни сообщения, ни школ, ни врачей. Все культурные запросы удовлетворялись полуграмотным муллой и шарлатаном-знахарем (табибом). Не довольствуясь этим, она все эти годы посылала еще из-за афганской границы банды хищных шакалов-басмачей, пытаясь сорвать героическую борьбу трудящихся за социалистическое строительство. Конечно, при таких условиях было не до создания литературы, не до теоретических дискуссий.

Укрепление диктатуры пролетариата, развертывание социалистического строительства — индустриализации и коллективизации в Таджикистане и на основе их рост таджикского пролетариата и пролетариев-колхозников и развертывание культурной революции — вот решающие предпосылки для развития таджикской литературы, которая идет в сочетании с работой в области образования единого литературного языка трудящихся таджиков. Но нельзя думать, что все это грандиозное строительство может быть осуществлено без сопротивления со стороны последних остатков капиталистических элементов. Возникающие и в последние годы дискуссии по вопросу о литературном языке, латинице и т. п. показывают, что пантюркизм, его новейший близнец паниранизм и в некоторой степени и таджикский национализм еще не побеждены окончательно и пытаются под маской ультра-левых слов задержать победоносное наступление пролетариата. В суровых условиях борьбы в Таджикистане не всегда удается достаточно бдительно следить за культурным фронтом, что и используется классовым врагом в сотнях различных масок пытающимся удержать за собой позиции. Жесточая и непримиримая борьба со всеми этими течениями и неуспешная классовая бдительность, — вот условия, которые ставятся для всякого, кто хочет помочь пролетариату Таджикистана в строительстве «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры.

4

В заключение еще несколько замечаний. Как уже сказано, настоящий сжатый очерк отнюдь не собирается заменить историю таджикской литературы, а только намечает те линии, по которым ее нужно строить. Ясно, что дать развернутое построение по всем намеченным периодам сразу невозможно. Работу придется вести по частям, но для этого теперь же нужно наметить те участки, с которых эта работа должна начаться. Приступать сейчас к исследованию древнейшего периода едва ли целесообразно. Трудности будут очень велики, времени уйдет очень много, а актуальность такой работы будет весьма сомнительной. Начинать работу, по моему мнению, нужно с наиболее интересного для нас в данный момент периода, т. е. с середины XIX в., приблизительно от Ахмада Калла, так как здесь мы будем иметь дело с рядом авторов, имена которых живут в Таджикистане и по сейчас и произведения которых еще не вполне утратили свою действительную силу. Нужно показать растущему литературному молодняку, что в этих

авторах ценно и может быть использовано и что прямо или косвенно враждебно; нужно вскрыть классовый смысл и направленность всей продукции этого периода. Мне, например, приходилось слышать мнение многих таджикских работников, что произведения А. Каллэ безусловно должны быть как можно скорее изданы. Изучение этого автора показало мне, что произведения его должны быть тщательно сохранены от исчезновения, но что издавать их никоим образом не следует, так как в данный момент они могут быть чрезвычайно вредны, причем вредоносность эту не ослабить никакими введениями и примечаниями. Однако, что исследовательская работа, посвященная этому автору, крайне необходима, в этом для меня ни малейших сомнений нет. Настоящий обзор и был составлен мною с той целью, чтобы выделить наиболее важные и интересные для нас участки.

Далее, нужно указать, что работа по новейшей истории таджикской литературы возможна только при полном учете современной ей литературы узбекской. Разъединение этих литератур означает разрыв естественных живых связей, неизбежную неполноту и, следовательно, и искажение настоящей картины. Так, если брать только таджикскую часть литературной продукции Бихбуди, то едва ли можно составить себе хотя бы даже и приблизительное представление о его фигуре. А вместе с тем, совершенно несомненно, что узбекские его произведения точно так же организовали таджикского читателя, как и немногие статьи, написанные им по-таджикски, так как среди городских таджиков едва ли найдутся люди, не знающие узбекского языка. То же самое придется сказать и относительно Фитрата, из творчества которого при учете одной лишь таджикской части выпадет такое важное произведение, как статья - новелла «Бидиль». Таким образом, задача исследователя значительно усложняется и количество необходимого материала сильно возрастает.

Задачи, стоящие перед исследователем таджикской литературы, как видно из этого обзора, очень обширны. Совладать с ними исследователю-одиночке не под силу. Именно здесь необходимо применить новые методы работы, повести работу коллективно, привлечь сюда молодые кадры Таджикистана и совместными усилиями разрешить все возникающие трудности. Мы стоим у порога второй пятилетки нашего строительства. Думаю, что в задачи этой пятилетки, безусловно, необходимо включить и создание истории таджикской литературы. Громадные достижения первой пятилетки ясно говорят за то, что благодаря нашим завоеваниям на фронте культурного

строительства даже и такая большая и трудная задача в течение следующей пятилетки сможет быть успешно разрешена, и наша «седьмая» республика получит достойный образцовый республики научный труд, отвечающий насущным потребностям ее культурного строительства.

Ленинград, 20 V 1932 г.